

И еще, важное. Закрыты человеческие судьбы; в явлениях жизни, случайных и незначительных, таятся порой великие содержания: будь осторожен в оценках; в трудную пору испытаний не падай духом, верь в душу человека: Господний она сосуд» (С. 91, 98).

¹ Шмелев И. С. Старый Валаам // Москва. 1990. № 9. С. 79. Страницы других цитат из романа указаны в тексте статьи.

² См.: Осминина Е. // Москва. 1991. № 4.

П. П. ЛАВРЕНОВ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР В РАССКАЗЕ А. СОЛЖЕНИЦЫНА «МАТРЁНИН ДВОР»

А. И. Солженицына в западной литературе называют «обличителем зла XX века». Но это для него не самоцель. Для писателя важно потеснить несправедливость во имя добра. Выполнить эту благородную миссию призваны его персонажи: Иван Денисович из «Одного дня...», Глеб Нержин из романа «В круге первом», Саня Лаженицын из военно-исторической эпопеи «Красное колесо»...

К одним из самых светлых образов относится обычная крестьянка из деревни Тальново, по имени которой назван рассказ «Матрёнин двор».

Жизнь Матрёны как «Житие» наполнена «сокровенным смыслом», и писатель поставил себе цель разгадать его. Внешне ничем не примечательная, больная, живущая «в запущии», «одинокая женщина лет шестидесяти», раскрывается неповторимыми гранями души, воспетыми еще древне-русской литературой. Все события, разворачивающиеся в повести, в основном связаны с домом Матрёны. Внешний мир едва обозначен. Старый дом с неприятельской природой близки повествователю: «Милей этого места мне не приглянулось во всей деревне; две-три ивы, избушка перекосяченая... Но я уже видел, что жребий мой был – поселиться в этой темноватой избе с тусклым зеркалом, в которое совсем нельзя было смотреться, с двумя яркими рублевыми плакатами...»¹ Сдержанностью описания, проникнутого грустным лиризмом, писатель как бы «запрограммировал», а точнее, предугадал, расшифровал трагический исход. Помещая описание дома вслед за описанием природы, автор подчеркивает их тесную связь. Жизнь Матрёны и природа как бы откликаются на несчастья и болезни друг друга. Природа производит впечатление больной, уставшей, тихо умирающей: «высыхающая речушка», «две-три ивы». И сама Матрёна производит тягостное впечатление: «Когда я вошел в избу, она лежала на русской печи, тут же, у входа, накрытая неопределенным темным тряпьем... В остатке света и к тому же за трубой кругловатое лицо хозяйки показалось мне желтым, больным. И по глазам ее замутненным можно было видеть, что болезнь измотала ее». И дом Матрёны: «... не низкий – восемнадцать венцов. Однако изгнивала щепя, посерели от старости бревна сруба и ворота, когда-то могучие, и проредилась их обвершка» (С. 115). Так писатель выстраивает логический ряд: природа – дом – хозяйка, подчеркивая их единство и взаимозависимость. Нет привольной природы, ощущения широкого простора, поэтому и приходит в ветхость дом, оказывая физическое давление на свою обитательницу. Академик Лихачев Д. С. пишет: «Издавна русская культура считала волю и простор величайшим эстетическим и этическим благом для человека»². В жизни Матрёны «воля и простор» отсутствуют, но тем ценнее и значительнее качества ее души.

На первый взгляд, уклад жизни Матрёны донельзя бестолков: «Просторная изба и особенно лучшая приоконная ее часть была уставлена по табуреткам и лавкам – горшками и кадками с фикусами» (там же). Колченогая кошка и грязно-белая коза, огород, дающий скудный урожай, – вот и все хозяйство, убогое и примитивное. Но эта неприхотливость в быту делает Матрёну свободной от зависти, жадности, дает ощущение внутренней свободы. Кредо жизни таких людей, ищущих смысл не в достатке, емко сформулировал еще В. В. Розанов: «Не слушайте, люди, чужих сказок. Любите свою сказку. Сказку своей жизни. Жизнь каждого есть сказка, только один раз рассказанная в мире»³. По мнению философа, каждый

человек есть неповторимое воплощение Божьего замысла. Пусть он несчастен, беден, но он прекрасен. Научившись довольствоваться малым, он и других людей будет ценить не по материальному достатку. Поэтому перестрадавший повествователь и разглядел в «беспритульной» Матрёне ту «нутрянную Россию», которая схоронила себя в первозданной чистоте и пронесла ее через все годы страданий. Матрёна сохранила душевный такт, скромность, отзывчивость россиянки. Вставая в четыре-пять утра, она «тихо, вежливо, стараясь не шуметь, топила русскую печь... Мне почти не слышались ее утренние хлопоты...» В ответ на «Доброе утро» всегда одни и те же доброжелательные слова раздавались мне из-за перегородки. Они начинались каким-то теплым мурчанием, как у бабушек в сказках: М-м-мм... так же и Вам!» (С. 118). Символично и имя ее – Матрёна, т. е. мать, мать, дарящая жизнь, радость, свет и тепло. В жизни ей не довелось испытать сполна материнской радости: «У Матрёны с Ефимом дети не стояли: до трех месяцев не доживая и не болея ничем, умирал каждый». (С. 131 – 132). И все же не ожесточилась она, не забыла высшего долга служения людям, осталась матерью. Наперекор судьбе воспитала девочку Киру, выдала замуж. Это глубоко русская черта: жить в мире и согласии с окружающими, терпеть лишения и одновременно противостоять судьбе. Такую жизнь обычно называют подвигом. На эту особенность русского характера обратил внимание Д. С. Лихачев: «Подвиг» означает движение, проворство, терпение и знание...»⁴. Иначе говоря, подвиг – это не только одномоментный акт, совершаемый человеком в экстремальных обстоятельствах. Это еще и жизнь «вопреки всему», «наперекор судьбе». Тяжелая жизнь не подорвала морального здоровья Матрёны: она никогда не жалуется на жизнь, а лишь сетует на «супостатов»: «Притесняют меня, Игнатъич... Иззаботилась я». И тут же: «Но лоб ее недолго оставался омраченным. Я заметил: у нее было верное средство вернуть себе доброе расположение духа – работа... Наломавши спину ношей, в избу возвращалась Матрёна уже просветленная, всем довольная, со своей доброй улыбкой» (С. 120). Матрёна, как и Иван Денисович, лишена свободы даже на бытовом уровне. Ее свобода сужена до пределов урезанного огорода, дома, границ сердца, души. Но внутренний мир оказался непреступной твердыней для казарменно-феодалной сельской деспотии. Матрёна через свою внутреннюю свободу максимально раздвигает рамки внешнего несвободного мира. Одной из составляющих ее внутренней свободы является житейская мудрость, заключающая в себе высший философский смысл российского бытия: «Худос видели, хорошее увидим». Терпение и неистребимая вера в лучшее – одно из станных качеств русского характера Матрёны Васильевны. Потому и нет жалоб на жизнь, ибо: «Если даже она тускла, кротка, несчастна: она все же лучше Песен Ангелов. Ибо всякое «я» есть ангел и песня его единственна»⁵.

Противоречие между действительностью и внутренним миром героини порождает своего рода двоемирие. Жесткие условия жизни заставляют подчиняться обстоятельствам, но внутренняя свобода противопоставляет внешнему миру, преодолевает внешнюю несвободу и даже подчиняет ее себе. Когда, например, жена председателя вынуждает больную пенсионерку Матрёну выйти на работу, что иначе как насилием не назовешь, та, как будто, покоряется. Но потом рассказывает: «Да что говорить, Игнатъич! Ни к столбу, ни к перилу эта работа. Станешь, об лопату опершись, и ждешь, скоро ли с фабрики гудок на двенадцать». А вот когда работали на себя, т. е. не подневольно, «так никакого звука не было, только – ой-ой-ойиньки, вот обед подкатил, вот вечер подступил» (С. 123). Свободный труд (будь то сбор брусники, хвороста, копка картошки) заставляет отступить внешний враждебный мир, делает его менее опасным: «Теперича я зуб наложила, Игнатъич, знаю где брать, – говорила она о торфе. – Ну и местечко, любота одна!» Или помогая соседке: «Ах, Игнатъич, и крупная же картошка у нее! В охотку копала, уходить с участка не хотелось, ей-богу, правда!» (С. 123).

Раздвоенный, расколотый мир изуродовал души многих, в том числе и Фаддея, заставил его жить по своим законам. Матрёна же остается цельной натурой. Духовное богатство позволяет ей радоваться обильному урожаю, красотам родных мест. Она сохранила внутренний свет, осталась критерием добра, той свечой для путника, которой согреваются сердца, укрепляется вера и появляется надежда. Нездоровый мир раздвоил даже родной дом:

«... кто-то когда-то, еще по хорошей жизни, склеил Матрёнину избу рифлеными зеленоватыми обоями, да не просто в слой, а в пять слоев. Друг с другом обои склеились хорошо, от стены же во многих местах отстали – и получилась как бы внутренняя шкура на избе» (С. 117). Подмечено: крестьянский дом – это модель Вселенной. И как космос, тоже не терпит нарушения гармонии внутри себя. Первая мировая война нарушила эту гармонию. Началось с замужества. Вышла не за того и не вовремя: «Был Ефим моложе меня на год. Говорят у нас: умная выходит после Покрова, а дура – после Петрова... Пошла я... На Петров день повенчались...» (С. 131). Последующие годы не принесли счастья. Дети умирали, жили без достатка, а во вторую мировую пропал и муж. Так единожды нарушенное равновесие жизни и не удержавшееся в критической точке начало раскручиваться гигантским «красным колесом», наворачивая на себя все новые несчастья. Трагические события раскололи микрокосм Матрёны, сделали его ущербным. От стен крепкой избы отстала шкура, как отстает она от живого существа после длительного и непрерывного битья палками. Мертвая, высыхая шкура избы стиснула жизнь стальным обручем. Точно так же стиснула и жизнь Ивана Денисовича лагерная роба – шкура. Вспомним, в «Буранном полустанке» Ч. Айтматова, чтобы лишить человека памяти, превратить его в раба, на его голову натягивали шкуру. Выдерживали немногие, а те, кто выживал, превращались в бессловесное послушное животное. И Матрёне пришлось бы погибнуть раньше, если б не теплые бревенчатые стены, сила духа, да работа, распрямлявшие ее. Вместе с родным домом она выстояла, осталась естественной и открытой: «От красного морозного солнца чуть розовым залилось замороженное окошко сеной... и грел этот отсвет лицо Матрёны. У тех людей всегда лица хороши, кто в ладах с совестью своей» (С. 134). В своей жизни она руководствуется правилом, сформулированным Иваном Денисовичем: «Кряхти да гнишь. А упрешься – переломишься». Но рабской покорности в ней нет. Показательно ее поведение во время ссоры с мужем: «...Я с золовкой поссорилась, он ложку мне об лоб расшибил. Вскочила я от стола: «Захлебнуться бы вам, подавиться, трутни!» И в лес ушла. Больше не трогал» (С. 131). Сила характера способствует сохранению нравственной чистоты, дает силы для отчаянного поступка: «Конь был военный у нас, Волчок, здоровый... Раз с испугу сани понес в озеро, мужики отскакивали, а я, правда, за узду схватила, остановила» (С. 124).

Но если мы пристальней всмотримся в облик и поведение Матрёны, то заметим в ней нечто от блаженной, дурочки. То, что ее окружает, тоже несет на себе печать шутовства, некоего юродства: речка высыхающая, кошка колченогая, коза криворогая и т. д. И в самой Матрёне заложена «порча». Солженицын разработал образ крестьянки в традициях русской литературы и устного народного творчества. Достаточно вспомнить сказку об Иванушке-дурачке, где он оказывается вовсе не глупым. Если быть более точным, в Матрёне сведены черты Василисы Прекрасной и Иванушки. Решительность, мужество – от Василисы; наивная доверчивость, простота, доброта – от Иванушки. По поводу этих качеств Д. С. Лихачев пишет: «Зато ходили дураки по всей Руси, странствовали, с дикими зверями и птицами разговаривали... Учили они любить волюшку, не принимать чужого важничанья и спеси, не копить много добра, легко отрываться от своего нажитого, легко жить... но не принимать всяческой кривды. И совершали скоморохи и юродивые подвиг – тот подвиг, который делал их почти что святыми, а часто и святыми»⁶. Жизнь Матрёны – яркая иллюстрация такого образа жизни, жизни правдницы. Она живет по законам совести и высшей правды.

Будучи человеком «от земли», Матрёна несет в себе весь комплекс вековых предрассудков. Языческие верования и представления делают ее трогательно беспомощной: «Но отнюдь не была Матрёна бесстрашной. Боялась она пожара, боялась молоньи, а больше всего почему-то поезда... На Ивана Постного в огород зайти нельзя – на будущий год урожая не будет; что если мятель крутит – значит кто-то где-то удавился...» (С. 124 – 125). Матрёна может противостоять явлениям «земного» происхождения, но перед стихией она как человек, чье благополучие полностью зависит от природных условий, не задумываясь, преклоняется. Это обстоятельство давало в прошлом повод критикам упрекать Матрёну в «необразованности», «нразвитости».

Но, во-первых, вера в приметы еще не есть неразвитость. Вера в «черную кошку» – пока неотъемлемая часть нашего миропонимания. И, во-вторых, в повести убедительно показано отношение Матрёны к искусству. У нее есть свои критерии оценки, но понять красоту она в состоянии. Ей не понравился Шалапин, но: «передавали как-то концерт из романсов Глинки. И вдруг после пятка камерных романсов Матрёна, держась за фартук, вышла из-за перегородки растепленная, с пеленой слезы в неярких своих глазах: «А вот это – по-нашему...» – прошептала она» (С. 127). Чуткой, отзывчивой душе, отдавшей силы работе и людям, не может быть чуждой высокая поэзия, музыка, рожденная на этой же земле.

Но, как ни странно, при всем своем бескорыстии, видимой доброте она осталась непонятой большинством родственников и сельчан. Благородные качества были поставлены ей же в вину: «и не чистоплотная она была; и за обзаводом не гналась; и не бережная; и даже поросенка не держала, выкармливать почему-то не любила; и глупая, помогала чужим людям бесплатно...» (С. 145). Никто не упрекнул Фаддея, который даже при непогребенных близких занимался этим самым «обзаводом». Видимо, основательно изменились критерии оценки ценности человека... Развращенное сознание, потеря нравственных ориентиров подтолкнули родню Матрёны к разрушению ее последнего прибежища – ветхого дома: «В стенке они покинули щели, и все показывало, что ломатели – не строители и не предполагают, чтобы Матрёне еще долго пришлось здесь жить» (С. 133). «Ломатели» выполнили функцию «злодеев», посланных враждебным миром. Дом, как живой организм, грубо лишенный одной своей части, не выстоял, не выжил, не уберег хозяйку. Замкнулось трагическое кольцо. Однажды разорванный войной мир привел к гибели неприметной, но незаменимой труженицы, украшавшей жизнь.

При всем шемящем трагизме рассказ все же оставляет светлое чувство: «будто душа умылась». Пока стоят наши села, города, есть, значит, в них еще и праведники. Живет в них вечная «нутряная Россия», неяркая, но чистая, звонкоголосая. Дело лишь за малым – разглядеть и понять ее.

¹ Солженицын А. Рассказы. М., 1990. С. 114, 116. Далее цитируется по этому изданию с указанием страниц в тексте.

² Лихачев Д. С. Избранные работы в 3-х томах. Л., 1987. Т. 2. С. 425.

³ Розанов В. В. //Опыты. Литературно-философский сб. М., 1990. Вып. 1, С. 294.

⁴ Лихачев Д. С. Указ. соч. С. 423.

⁵ Розанов В. В. Указ. соч. С. 294.

⁶ Лихачев Д. С. Указ. соч. С. 427.

М. А. ПОПОВА

ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА ДРАМАТУРГИИ ФРИША

Экзистенциальная философия Ясперса, Кьеркегора, Хайдеггера своей онтологической проблематикой оказала заметное влияние на многих писателей Европы и США, но искусство Швейцарии первой половины XX в. экзистенциальные поиски еще не затронули. Сказался швейцарский феномен «стилевого запаздывания» – проявление охранительных тенденций в литературе, когда искусственно был прегражден доступ новым влияниям, провозглашена незабываемость традиций Келлера и Мейера – национальных классиков реализма. Тем более значительным является творчество Макса Фриша, предложившего свой ракурс рассмотрения онтологических проблем.

С теоретиками экзистенциализма Фриша роднят неприятие форм современной социальной действительности, размышления о богооставленности человека, об отсутствии всякого смысла в его существовании и тщетности попыток обрести этот смысл. Эти проблемы волновали писателя уже в ранний период творчества, о чем свидетельствуют его «Листки из вещмешка»: «И боль – игра, и смерть – игра, и жизнь – игра: они (боги) знают, что стоит за всем этим, но никогда не скажут. Потому что нам этого не перенести. Нужно быть бессмертным, чтобы суметь жить без веры»¹. Размышления Фриша созвучны философии Хайдеггера и Сартра, пользовавшихся понятием *Nihil* (Ничто) для обозначения неосознанности человеком цели жизни: «Человеку нужны боги, как мерцающая завеса, отделяющая его от Ничто... Всюду, где только можно коснуться великолепной